

I. НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ КОНТЕКСТАХ

УДК 811(112.3+16.1):374.3

Г. А. БАЕВА

Санкт-Петербургский государственный университет

ОБРАЩЕНИЕ В КОММУНИКАТИВНОЙ ПРАКТИКЕ ОТДАЛЕННОЙ ЭПОХИ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Для цитирования: Баева Г. А. Обращение в коммуникативной практике отдаленной эпохи: социолингвистический аспект // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете*. 2024. Вып. 14. С. 21–46. <https://doi.org/10.21638/spbu33.2024.101>

Формулы обращения являются важным компонентом интерактивного взаимодействия в коммуникативных практиках. Обращения отражают социально-ролевые отношения участников коммуникативного акта, подчеркивая равенство или неравенство социального положения, разницу в возрасте, доверительность, уважительность, степень близости отношений и т. д. Во все времена обращение занимало важное место в вербальном поведении человека и определялось социокультурными и общественными стереотипами, обычаями и традициями, а также социальным статусом коммуникантов и их ситуативными (в рамках заданной коммуникативной ситуации) и социальными ролями в обществе. Таким образом, выбор обращения связан с конкретной ситуацией и с разделением социального пространства коммуникации на ролевые, статусные, индексальные и оценочные составляющие, определяемые адресатом для достижения своих коммуникативных целей. Динамика развития форм обращений является значимым источником информации о системах восприятия и понимания мира языковой личностью в определенный исторический период и в конкретной речевой ситуации. Другими словами, обращения — это прагматически ориентированные языковые единицы. Обращение рассматривается в статье прежде всего как контактоустанавливающая, апеллятивная единица коммуникации, регулирующая диалог с оценочно-характеризующим компонентом. Основу анализа составляют обращения, определяемые как социально маркированные индексы эпохи позднего Средневековья: имена собственные; «общие» десемантизированные обращения *Frau* и *Herr*; обращения-номинации по роду деятельности, типичные для социально-производственных отношений эпохи: *Meister*, *Geselle*, *Knecht*. Особое место отводится рассмотрению негативно-оценочных обращений, типичных для литературных форм эпохи, изображающих сцены из крестьянской или городской жизни. Материалом анализа служат про-

изведения XVI в., народные книги или шванки, демонстрирующие разнообразные коммуникативные практики в разнообразной социальной среде: шванки Ганса Сакса («Sämtliche Fabeln und Schwänke von Hans Sachs») и народная книга о Тиле Уленшпигеле («Ein kurzweiliges Lesen von Dil Ulenspiegel», 1515).

Ключевые слова: обращение, коммуникативная практика, контекст, социальный статус, индекс, регулятив, оценка.

G. A. BAEVA

St. Petersburg State University

ADDRESS IN THE COMMUNICATIVE PRACTICE OF THE REMOTE ERA: SOCIOLINGUISTIC ASPECT

For citation: Baeva G. A. Address in the communicative practice of the remote era: Sociolinguistic aspect. *German Philology in St. Petersburg State University*, 2024, iss. 14, pp. 21–46. <https://doi.org/10.21638/spbu33.2024.101> (In Russian)

Address formulas are an important component of interactive interaction in communicative practices. Appeals reflect the socio-role relations of the participants in the communicative act, emphasizing equality or inequality of social status, age difference, trust, respect, degree of closeness of relationships, etc. At all times, address occupies an important place in a person's verbal behavior and is determined by sociocultural and social stereotypes, customs and traditions, as well as the social status of communicants and their situational (within a given communicative situation) and social roles in society. Thus, the choice of address is associated with a specific situation and with the division of the social space of communication into role, status, indexical and evaluative components determined by the addressee to achieve his communicative goals. The dynamics of the development of forms of address is a significant source of information about the systems of perception and understanding of the world by a linguistic personality in a certain historical period and in a specific speech situation; in other words, addresses are pragmatically oriented linguistic units. The appeal is considered in the article primarily as a contact-establishing, appellative unit of communication that regulates dialogue with an evaluative and characterizing component. The analysis is based on addresses defined as socially marked indices of the late Middle Ages: proper names, "general" desemantized addresses *Frau* and *Herr*, address-nominations by type of activity, typical for the social-production relations of the era: *Meister*, *Geselle*, *Knecht*. A special place is given to the consideration of negative evaluative appeals, typical of the literary forms of the era, depicting scenes from peasant or urban life. The material for the analysis is the works of the 16th century, folk books or schwanks, demonstrating a variety of communicative practices in a diverse social environment: the schwanks of Hans Sachs ("Sämtliche Fabeln und Schwänke von Hans Sachs") and the folk book about Till Ulenspiegel "Ein kurzweiliges Lesen von Dil Ulenspiegel" (1515).

Keywords: address, communicative practice, context, social status, index, regulative, assessment.

1. Введение

В «Кратком руководстве к красноречию» 1759 г. М. В. Ломоносов формулирует практически первое в отечественной науке и вероятно емкое определение обращению, отмечая, что «обращение есть, когда слово обращаем к другому лицу, подлинному или вымышленному, от того, которого само настоящее слово требует» [Ломоносов 1952: 266]. Далее он указывает на многофункциональность обращения, перечисляя целый ряд речевых актов, которые «покрываются» им: «Сею фигурою можно советовать, засвидетельствовать, обещать, грозить, хвалить, насмехаться, утешать, желать, прощаться, сожалеть, повелевать, запрещать, прощенья просить, оплакивать, жаловаться, просить, сказывать, толковать, поздравлять и проч.» [Ломоносов 1952: 267].

Собственно, в этом определении сфокусированы главные функции обращения, сохраняющие свою универсальность и значимость на протяжении веков. В своей основе обращения предполагают непосредственное, устное общение «лицом к лицу» и обслуживают в первую очередь диалогическое, интерактивное взаимодействие между коммуникантами с постоянным чередованием ролей говорящего и слушающего, что в истории языка зафиксировано в текстах, содержащих диалоги.

Несмотря на солидную историю вопроса, однозначной трактовки, дефиниции и описания функций обращения нет. Об этом, например, пишет В. Е. Гольдин: «Обращение оказалось такой единицей, которой приписывались и до сих пор приписываются самые разные и нередко противоречащие одно другому свойства. Синтаксисты видят в обращении либо предложение, либо член предложения, либо часть высказывания, не входящую в предложение, либо высказывание или самостоятельный коммуникативный акт» [Гольдин 1987: 3].

В наиболее общем виде основные функции обращения можно свести к следующим: номинативная (функция называния адресата по имени или другому признаку, закрепленному за ним); вокативная или апеллятивная (функция привлечения внимания собеседника, побуждение его слушать и установление с ним контакта); оценочно-характеризующая (функция выражения отношения адресанта к собеседнику); социально-регулятивная и этикетная (функция обозначения статуса коммуникантов, характера их вза-

имоотношений и степени их близости) [Минина 2011: 22–35]. Конкретизация и детализация этих функций может идти по разным направлениям. Так, Д. Лесли в предисловии к словарю «A Dictionary of Epithets and Terms of Address», ориентируясь прежде всего на восприятие и реакцию адресанта обращения, говорит о 30 функциях, среди которых и привлечение внимания, и выражение отношения (дружбы, лести, нежности и т. п.), и обозначение социального статуса, и выделение нужного человека из группы лиц, и привлечение внимания собеседника для создания определенной тональности (официальность/неофициальность, уважительность/неуважительность) и т. п. [Leslie 1990: 16–17].

2. Обращение как социокультурный феномен и маркер эпохи

Выбор обращения дает важную информацию о коммуникативных традициях в данной культуре в определенный отрезок времени, характеризуя социально-статусные, деловые, родственные или дружеские взаимоотношения между собеседниками. Чем больше социальных различий в обществе, тем заметнее разнообразие обращений. И наоборот, чем многообразнее ассортимент обращений, тем больше выбор определенной формы сообщает об адресанте и его отношениях с адресатом. Выбор обращения — часть добровольной или неосознанной самопрезентации говорящего [Braun 1988: 18–24; Алешкина 1994].

Для исторического анализа, предпринятого в статье, важно учитывать следующее. Обращение занимает значимое место в вербальном поведении человека и определяется социокультурными и общественными стереотипами, обычаями и традициями, а также социальным статусом коммуникантов и их ситуативными социальными ролями в зависимости от характера коммуникации. Таким образом, выбор обращения связан с размежеванием социального пространства коммуникации на ролевые, статусные, индексальные и оценочные категории, материализованные путем осмысления как адресанта и адресата, так и окружающей их среды (т. е. с учетом контекста коммуникативной ситуации). Под индексальностью в широком смысле здесь понимается связь языкового знака с контекстом и «его способность указывать на некоторую переменную этого контекста. Социальная индексальность, соответственно,

рассматривается как способность знака актуализировать социальные смыслы, такие как формы идентичности, обусловленные ими коммуникативные роли и социальные отношения» [Молодыченко, Чернявская 2022: 105].

Другими словами, речь идет о взаимосвязи интерактивной и интерпретационной сущностей ситуации общения. При этом важно, что социальные взаимоотношения говорящих и социальные смыслы обращения отличаются исторической вариативностью и зависят от социокультурного исторического контекста и характера речевой ситуации в социально ориентированной коммуникации говорящих, которые выбирают языковые средства, соответствующие данному речевому событию. Выбор обращения как социально-ролевой и контекстно обусловленной единицы в значительной степени раскрывает взаимоотношения между коммуникантами, хотя бы и в рамках конкретной речевой ситуации, являясь ее маркером и определяя статус адресанта и адресата, выявляя их социальное и контекстно обусловленное равенство или неравенство (ср.: [Wunderlich 1980: 304; Нестеренко 2021]).

3. Материал исследования

В многочисленных работах по истории немецкого языка за рамками исследований до сих пор остаются отражения обыденной, повседневной речи (*Alltagssprache*) персонажей, зафиксированной в фиктивных диалогах [Kilian 2005] и, конечно же, хотя и не отражающих непосредственно устную речь, характерную для того или иного периода, но в значительной степени отличающуюся от повествования, о чем указывается в работах, посвященных «следам» или рефлексам разговорной (устной) речи в отдаленные периоды истории немецкого языка (подробнее: [Baeva 2019: 169–171; Beten 2012]). Обыденная речь проявляется в таких сугубо разговорных структурах повседневной речи, как директивы, обращения, восклицания, междометия, неполные предложения, различные дискурсивные частицы и т. п.

Немецкие лингвисты занимаются в основном историей формирования «социального дейксиса», т. е. статусом местоименных противопоставлений в процессе их грамматикализации, прежде всего в рамках категории вежливости и адресности, а также рассматривают обращения как коммуникативные стратегии при обу-

чении немецкому языку как иностранному [Besch 1998; Besch 2003; Simon 2003; Szczepaniak 2009; Kretzenbacher, Schüpbach 2015; Moyna et al. 2019; Riehl et al. 2020].

В связи с этим выбор материала исследования не случаен. Для анализа социолингвистических особенностей обращения в отдаленные периоды из всего многообразия дошедших до нас письменных памятников обратимся к шванкам Ганса Сакса и народной книге о Тиле Уленшпигеле, представляющей собой собрание прозаических шванков с единым главным действующим лицом. М. Ю. Реутин определяет шванк как «небольшое повествование малого (от 10–15 до 100–110 строк) объема, написанное “ломаным” книттельферзом, т.е. четырехстопным ямбом с парной рифмой, и организованное вокруг одного кульминационного события, по своему существу комического, но вполне ординарного, о котором рассказывается с бытовыми подробностями, подчеркнутым натурализмом, порой переходящим в открытый цинизм» [Реутин 1996: 327]. «Ломаный» книттельферз переходит к XVI в. в прозу, что мы и наблюдаем в народной книге «Тиль Уленшпигель».

Первоначально лексема *swanc*, производная от глагола *schwingen*, обозначала ‘размашистое движение, размах’, ‘удар, бросок’, отсюда возникло новое значение ‘выходка, проделка, шутка или рассказ о таковой’ (*schwingende bewegung, schwingen, schwung; schicksalsschlag; lustiger oder neckischer einfall, streich oder erzählung eines solchen* [Lexer 1995: 220]). С конца XV в. этим словом обозначается «народная шуточная история» [Bausinger 1980: 150], комическая история в народном стиле в стихах или прозе, грубовато-дерзкого содержания, часто переходящего в непристойное, скабрзное, но нередко содержащая и поучение [Strassner 1968: 2–3]. Для К. Ранке шванк — это не только один из видов простой формы народного рассказа комического содержания со своими особыми структурными элементами, но и, главное, — форма выражения «определенного психо-ментального поведения народа и соответствующей ему творческой силы», отражающая вечную полемику человека «с миром в нем и вокруг него» [Ranke 1961: 7–8]. А. Жоле относит шванк к простым формам, противопоставляя их формам художественным [Jolles 2006: 206], что позволяет предположить близость записанных диалогов к реальности и заключить, что они отражают устную, повседневную речь их персонажей. Комизм в шванке ориентирован на реальность и имеющиеся в ней несоответствия.

Смешным является прежде всего противоречие между кажущимся и существующим, которое неожиданным образом реализуется в действиях и поступках людей в рамках определенных событий, ситуаций или ценностных ориентиров [Neumann 1967; Neumann 1993: 51–52].

Народная книга эпохи проторенессанса является уникальным издательско-литературным жанром. С одной стороны, она тесно связана с изобретением Гутенберга (сер. XV в.) и искусством рельефной гравюры, а с другой — с устной традицией фольклора, поскольку представляет раннюю запись бытовавших устно историй [Реутин 1994: 352]. В XVI в. книга перестает быть эксклюзивным, недоступным продуктом, происходит переориентация книги на широкие народные массы. Печатная продукция становится фактическим средством коммуникации. Литература XVI в. стремится к достижению простого, понятного широким народным массам языка [Аветисова 2002: 7].

Расцвет шванка приходится на начало формирования немецкого национального языка, характеризующегося «интенсивным взаимодействием письменной традиции с устными формами немецкого языка» [Бабенко, 1999: 87]. Эту тенденцию в литературе позднего средневековья отмечал В. Г. Адмони: «...в ряде произведений применялась диалогическая форма, что позволяло применять в некоторых из них конструкции, характерные для устной разговорной речи» [Адмони 1963: 152]. Поэтому можно допустить, что обращения в шванках Ганса Сакса и народной книге о Тиле Уленшпигеле в определенной степени отражают функционирование обращений в тот период при изображении сцен из крестьянской или городской жизни. Персонажи этих произведений — крестьяне, ремесленники, мелкое духовенство, хозяева и посетители трактиров — говорят, в отличие от героев рыцарских романов и поэзии мейстерзингеров, не высоким штилем, а обыденным, порой грубоватым языком повседневного общения, приближенным к языку, звучавшему в то время на рыночных площадях.

Итак, обращение рассматривается как контекстно-обусловленный способ вербализации определенного социального пространства в заданном месте и в заданное время. Исследуемый материал — более 300 примеров обращений в шванках Ганса Сакса и более 250 примеров из «Тили Уленшпигеля», которые далее обобщаются наиболее частотными и типизированными случаями.

4. Обращение как индекс эпохи

4.1. Имя собственное как обращение

Как уже неоднократно подчеркивалось, обращение служит для выделения нужного человека из группы лиц, и в связи с этим можно предположить, что использование имени собственного в функции обращения является самым нейтральным и однозначным без каких-либо дополнительных коннотаций.

Материал исследования показывает, что такие обращения не имеют широкого распространения: в «Тиле...» зафиксировано 15 обращений по имени собственному, 11 из них — обращения к главному герою: *Ulenspiegel* [Dil 70,14; 76,8; 114,33; 192,23 2]; *liber Ulenspiegel* [Dil 25,2; 191,28; 218,6]; *mein lieber Ulenspiegel* [Dil 219,7; 261,1]; *Ulenspiegel, mein lieber Sun* [Dil 260,12].

Кроме этого, в «Тиле...» три раза встречается имя *Doll*, являющееся сокращенным вариантом полного имени *Bartolomeus*: “*Herr, ich heiß Bartho-lo-me-us.*” *Der Kauffman sprach*: “*Daz ist ein langer Nam, man kan den nit bald nennen. Du solt Doll heißen*“ [Dil 182,10–12] и далее: *Doll* [Dil 182,30; 183,3; 183,31].

Указанный вариант сокращения имени носит ироничный характер, так как прилагательное *doll* (совр. *toll*) означало «глупый, бестолковый».

В шванках Ганса Сакса 33 примера с обращениями — именами собственными. Доминирует имя *Petre* (11 примеров): [Sachs 132,49; 132,62; 132,66; 132,81; 132,99; 132,116; 132,151; 154,43; 159,34; 159,75; 159,107; 159,119; 168,55; 168,64; 170,53]. Данный факт вызван не только широкой распространенностью имени *Petre* на территории Германии в XVI в., но и популярностью персонажа — апостола Петра и сюжетов с участием его и Господа Бога. Второе место по частотности занимает имя *Haincz*, затем следует *Hans* (как вариант — *Johannes*). Ср.:

Petre, Petre, wie kumbst so bald? [Sachs 132,81].

Heincz, Heincz, wo pistwu? [Sachs 196,70].

Показателен случай, когда благородный господин обращается к незнакомому крестьянину *mein Haincz* [Sachs 156,18], не спросив его имени.

Личные имена часто употребляются с притяжательными местоимениями: *o mein Johannes* [Sachs 62,43], с определенными: *mein li-*

eber Hans [Sachs 179,123] (обращение жены к мужу) и в соединении с обращениями по профессиональной или социальной принадлежности: *mein meister Hans* [Sachs 67,116], *knecht Haincz* [Sachs 196,19].

Обращения по имени к женщинам представлены именами *Gred u Els: ach liebe Gred* [Sachs 29–32]; *mein Gred* [Sachs 29,60]. По имени обычно обращаются к служанке: либо ее хозяйка, либо служанка-приятельница:

Die pewrin sprach: "Gred, schneid nür drein!" [Sachs 134,51].

Заканчивая этот раздел, приведем пример из чуть более позднего произведения Гриммельсхаузена «*Simplicissimus*» (1668). При всей специфичности главного героя разговор между ним и отшельником указывает на неважность и не востребованность имени, данного при рождении и крещении, а использование ситуативной, более точной, оценочно-экспрессивной номинации отвечает задачам контекста:

EInsidel: Wie heissestu?

Simpl. Ich heisse Bub.

EInsid.: Ich sihe wol / daß du kein Mägdlein bist / wie hat dir aber dein Vatter und Mutter geruffen? <...>

Einsid.: Wie heisset dich dann dein Meüder?

Simpl.: Sie hat mich Bub geheissen / auch / Schelm / ungeschickter Dölpel / und Galgenvogel <...> [Simpl. 25–27f].

4.2. *Herr u Frau*

Обращения *Herr* и *Frau* в средненемецкий период были статусными обращениями высшего сословия, но постепенно стали распространяться как маркеры вежливости среди представителей низшего класса. Это привело к тому, что в результате лексикализации и десемантизации они превратились в устойчивые общие обращения ко взрослым всех общественных ступеней (ср.: [Nübling et al. 2013: 139; Баева 2023]). Именно этот процесс можно наблюдать в исследуемых произведениях. Здесь эти «новые» обращения, с одной стороны, используются как в более раннее время, когда говорящий обращается к человеку с более высоким социальным статусом и тем самым демонстрирует присутствующим умение правильно использовать принятые в данном социуме формы обращения, соответствующие коммуникативно-прагматической ситуации.

С другой стороны, в нашем материале обращение *Herr* обладает широким спектром социальных индексов: у Сакса оно используется при обращении жены к мужу или любовнику (6 примеров), крестьян к священнику, монаху или иному вышестоящему лицу (16 примеров), к незнакомцу (3 примера), к человеку преклонных лет (1 пример) и, наконец, к самому Богу (19 примеров).

В таких примерах лексема *Herr* сохраняет в себе некоторую дистанцированность и подчеркнутую, новую для описываемого общества, этикетность общения. Это обращение всегда, за исключением обращения к Богу, сопровождается глаголами второго лица множественного числа: *Herr, stet auf!* [Sachs 109,25]. Лексема используется как без атрибутов, так и с атрибутами в препозиции и постпозиции: *Mein herr* [Sachs 102,29; 134,29; 183,35; 200,14], *herre mein* [Sachs 183,43]. Особой высокой степенью этикетности и почтительности характеризуется сочетание *lieber herr* и *gnediger (genediger) herr* [Sachs 146,29; 146,76; 146,43; 192,28; 183,57; 192,60].

Для демонстрации этикетного использования обращения *Herr* приведем также примеры из «Тиля...»:

Da ward der Pfaff lachen und sprach: "Daz kan mein Magd nit, daz sie beid Augen ufthu, wann sie hat nur eins." Ulenspiegel sprach: „Herr, daz saget Ihr, ich sprichs nit.“ [Dil 34,32–35] — обращение к священнику;

Ulenspiegel antwurt dem Bischoff und sagt: "Ja, gnädiger Her, ..." [Dil 17,21] — к епископу;

Da nun der Hertzog mit seinen Rütern reiten kam an die Stat, da Ulenspiegel in seines Pferdes Bauch stund, da sprachen die Diener: „Sehent, Herr, hie stot Ulenspiegel in eins Pferses Hut.“ [Dil 74,8–12] — обращение к герцогу;

Da nam ihn der Kauffmann an und fragt ihn, wie er hieß. "Herr, ich heiß Bartho-lo-me-us." [Dil 182,9–10] — обращение к хозяину: купец нанимает Уленшигеля в качестве слуги;

Da thet er sich in des Land zu Hessen und kam gen Marckburg an des Landgraffen Hoff. Und der Her fragt, waz er künt. Er antwurt und sprach: „Genädiger Her, ich bin ein Künstner.“ Des fröwd sich der Landgraff... [Dil 77,4–78] — обращение к ландграфу.

Кроме указанных контекстов *Herr* может уже употребляться в сочетании с другими существительными, обозначающими титул или род занятий, т. е. приближается к современному функционированию. Такие обращения характеризуются, как правило, высокой степенью этикетности: у Тиля: *herr künig* [Dil 150,11], *herr hoffmais-*

ter [Dil 150,19], *herr marschalck* [Dil 150,23], *herr kamermaister* [Dil 150,27], *herr secretari* [Dil 150,31], *herr silberschlieser* [Dil 150,35], *herr doctor* [Dil 150,39], *herr jegermaister* [Dil 150,43], *herr credenzer* [Dil 150,47], *herr fürschrneider* [Dil 150,51], *herr kellner* [Dil 150,55], *herr pfleger* [Dil 189,98]. Ср. у Сакса: *herr hoffmaister*, *herr marschalck*, *herr kamermaister*.

В шванках Г. Сакса в ряде случаев используется форма с конечным *-e*: *herre* [Sachs 52,47], *herre mein* [Sachs 183,43], *o herre* [Sachs 168,61], *lieber herre mein* [Sachs 159,109], *o lieber herre mein* [Sachs 166,21], *o herre got und maister mein* [Sachs 159,5]. Появление этого конечного звука обусловлено не законами стихосложения и ритма, а историческим развитием существительного. В этимологическом словаре указывается: «Im Mhd. entwickelte sich in der Anrede und vor Titeln aus hërre die kürzere Form hër» [Duden 2007: 335], т. е. форма с конечным *-e* является более древней и почтительной, чем односложная.

Семантической близостью с *Herr* обладает обращение *Junckher*, отличаясь от первого лишь указанием на возраст. Использование обращения к молодому господину *Junckher* (возможно варьирование орфографии): *Junckher* [Sachs 18,25; 156,21; 156,51; 189,127], *Jünckher* [Sachs 156,42], *Juncker* [Sachs 18,32], *mein jünckher* [Sachs 189,147].

Несмотря на народный характер анализируемого материала, в официально-торжественных ситуациях коммуникации герои из народа в публичной, официальной или полуофициальной коммуникативной ситуации используют подходящие случаю официальные обращения. Так, Уленшпигель (история 15) принимает делегацию *Ritter und Hoffgesind u* обращается к ним соответственно *Ihr Edlen und Reiter* [Dil 45,27]. В истории 50 Уленшпигель, читая «лекцию» о портновском деле собравшимся со всей округи портным, стремится показать свою значимость и профессионализм и начинает ее словами *Erberen Männer des Handwercks der Schneider* [Dil 147,1]. История 58 описывает суд над Уленшпигелем. Ему предоставляется право последнего слова. Его речи предшествует обращение к вершителям его судьбы: *Ihr eerlichen Herren von Lübeck* [Dil 168,14].

Обращения *O gnädigster Herr und Fürst* [Dil 74,15] и *Gnädiger und hochgeborene Fürst* [Dil 74,21] (история 25) тоже в какой-то мере употребляются в ситуации публичного общения: помимо двух комму-

никантов (Уленшпигеля и князя), присутствует еще множество рыцарей, сопровождавших герцога, которые в диалоге не участвуют, однако присутствуют в качестве пассивных слушателей.

Доминирующим обращением к лицам женского пола в анализируемых произведениях является существительное *Fraw*, которое, как и *Herr*, имеет широкий спектр адресатов: ими могут быть любые персонажи женского пола (вероятно, существовал возрастной ценз, однако доказать это на нашем материале не представляется возможным) различного социального статуса: от крестьянки до герцогини. Таким образом, мы получаем подтверждение того, что к ранненовонемецкому периоду существительное *Fraw* уже практически утерало свое первичное значение ‘госпожа, дама’ и стало употребляться как номинация любого адресата женского пола. Но некоторое остаточное этикетное значение данного обращения все же сохранились. Так, обращение *Fraw* могут сопровождать местоимения 2 лица множественного числа и глаголы множественного числа, например: “*Fraw, thon Euwer ander Aug auch uff, so sehent Ihr die Hüner alle beid*” [Dil 34,17–18]. Исключением из этого правила являются те случаи, когда *Fraw* представляет собой обращение мужа к жене — случаи немногочисленные, в нашем материале обнаружены всего два подобных примера: *Der Kauffman sagte: “Fraw, sei zefriden, er sol dein eigner Knecht sein.”* [Dil 182,26–27].

Определение *lieb* повышает не только этикетность обращения, но делает его во многих случаях более дружеским и теплым, например в обращении *liebe Fraw*, где коммуникантами являются муж и жена из высших слоев общества, в общении и обращениях которых хорошо просматривается этикетная составляющая:

Als nun der Lantgraff zu der Fürstin kam, da fragt sie ihn: “Ach, gnädiger Herr, waz mallet doch Euwer freier Maler. Ihr hon es besehen, wie gafalt Euch sein Arbeit? Ich hon schwachen Glauben darzu, er sicht wie ein Schalck.” Der Fürst sprach: „Liebe Fraw, mir gefalt sein Arbeit süberlich wol und thut ihm noch recht.“ „Gnädiger Herr“, sprach sie, „müssen wir es nit auch besehen?“ [Dil 80,1–7].

Атрибут *lieb* сопровождает просьбу или вопрос, способствуя успеху коммуникации, например: *Ulenspiegel sagt: “Liebe Fraw, het er Uch je Leides gethon?”* [Dil 242,3]. Коммуникативным успехом в данной ситуации можно считать получение ответа на заданный вопрос: *Die Fraw sprach: “Ich sag, als ich von den Leüten gehört hon, die zu mir uß und ein gon.”* [Dil 242,4–6].

Определение *lieb* может и не привносить в обращение и коммуникацию сколько-нибудь значимого, четкого дополнительного оттенка значения и имеет уже десемантизированный характер, ср. примеры *meine liebe Fraw* [Dil 220,1] и *mein liebe Fraw* [Dil 220,11], где первое обращение употребляется во фразе, выражающей благодарность Уленшпигеля, а второе — в ответ на достаточно грубую фразу *“Pfei dich, daz Weißmuß friß du Schalck nun allein.”* [Dil 220,9–10].

В шванках Ганса Сакса из 72 обращений к женщине 32 приходится на *Fraw*. Так обращается муж к жене [Sachs 74,23; 114,25; 136,38; 189,53 и др.], влюбленный к замужней женщине [Sachs 101,25; 125,16; 125,43; 189,109 и др.], соседки или приятельницы друг к другу [Sachs 9,81; 9,100; 9,120; 86,12; 86,138 и др.], священник к крестьянке [Sachs 134,33; 134,37]. В этих случаях у обращения *Fraw* нет ярко выраженного этикетного или эмоционально-экспрессивного содержания, здесь, скорее, следует говорить о вокативной и апеллятивной функции.

Если же рассмотреть случаи использования *Fraw* с атрибутами, то прослеживается и личное отношение, и этикетное обращение. Наиболее употребительное определение, сопровождающее *Fraw*, — *zart: zart fraw* [Sachs 18,37; 19,11; 19,17; 19,25; 19,28; 20,45; 20,77; 133,64; 133,36]. Так, к даме (уже не крестьянке) обращается молодой человек с почительностью и оттенком куртуазности. Собеседники находятся в любовной связи, либо отношениях легкого флирта: *Bald antwort jr ein Junger Man: “Zart fraw, euch ich erwelet han /Fur alle Weiber hie auff erd. ...”* [Sachs 18,37]. Ср. также: *ach schöne fraw, jr lieben frawen* [Sachs 9,58], *jr frumen frawen* [Sachs 9,80].

В двух последних случаях согласование атрибута с существительным вызывают, вероятно, местоимения второго лица, так как в изученном материале между местоимением *du/jr* и существительным может находиться только согласованное определение; при этом определение в постпозиции остается несогласованным: *jr frawen all gemeyn* [Sachs 9,39].

Frau, так же как и *Herr*, может употребляться и в сочетании с титулом при обращении к женщине, стоящей на более высокой ступени социальной лестницы, подчеркивая этикетность общения. Так, монахиня обращается к аббатисе *fraw eptasin* [Sachs 85,51]. Следует отметить, что при общении двух неравных по социальному положению коммуникантов обращения используются чаще, особенно при обращении нижестоящего к вышестоящему, чем подтверждается постулат о большой этикетной нагрузке обращения.

Похожий функционал, по-видимому, в отношении молодой незамужней женщины выполняет сложное слово *Junckfraw* [Sachs 25,104; 25,131; 25,152], но в таком случае речь опять же идет о флирте.

Значительно реже используется обращение *weib*, восходящее к нейтральному видо-родовому употреблению в прошлом (5 примеров): только при обращении мужа к жене, причем всякий раз после этого обращения используется довольно категоричный императив, хотя само обращение может иметь ласкательный оттенок: *liebes weib* [Sachs 169,38], *mein liebes weib* [Sachs 54,107] или *mein weib* [Sachs 189,58].

Социальный индекс служанки, т. е. обращение к нижним социальным слоям, типичен для существительного *Mayd*: *Jr lieben meyden* [Sachs 27,27] — обращается подмастерье к группе служанок; *Hiebey secht an, jr jungen Mayd! / Nembt von heyraten den beschayd!* [Sachs 27,122].

4.3. Номинация по роду деятельности: *Meister, Geselle, Knecht*

Существительные *Meister, Geselle, Knecht* — маркеры деловых, социально-производственных отношений эпохи. Так, у существительного *Meister* в этот период тесно переплелись социальная и профессиональная составляющие. С одной стороны, *Meister* не указывает на какую-либо конкретную профессию и с этой точки зрения является номинацией лица по социальному статусу. С другой стороны, в обращениях с ядерной частью *Meister* присутствует «профессиональный подтекст», отсутствующий у близких к идеальным регулятивов, т. е. обращений, регулирующих социальные отношения участников коммуникации (ср. *Herr*). Социальная и профессиональная составляющие обращения *Meister* могут проявляться сильнее или слабее в зависимости от коммуникативной ситуации и адресанта обращения. Так, в коммуникативной ситуации общения мастера и подмастерья (29 примеров из 39 в «Тилле...») данное обращение имеет скорее социальный характер и используется при обращении к мастеру как со стороны стоящих на более низкой социальной ступени подмастерьев и слуг, так и со стороны равно- или вышестоящих покупателей. Примером может служить история 20:

Ulenspiegel wandert in dem Land und kam geen Ulsen in daz Dorff. Da waz er aber ein Bäckerknecht. Als er nun bei einem Meister waz, da richt der

Meister zu, daz er wolt bachen. Und solt Ulenspiegel büteln in der Nacht, daz es uff den Morge frü fertig wär. Ulenspiegel sprach: „Meister, Ihr sollen mir ein Liecht geben, daz ich gesehe zu büteln.“ [Dil 60,1–7].

В случае обращения к мастеру заказчиков (10 примеров из 39) профессиональный и коммуникативный параметры почти неразличимы, но подчеркиваются именно профессиональные навыки адресата-мастера:

Cristoffer het ein Stiffelmacher zu Brunswick uff dem Kolmarck. Zu dem gieng Ulenspiegel und wolt sein Stiffel schmieren lassen. Als er nun zu dem Stiffelmacher kam, da sprach er: „Meister, wa Ihr mir wolten disse Stiffelen spicken, daz ich sie uff Montag wider haben möcht.“ [Dil 131,1–5].

Определение *liebe(r)*, широко используемое во многих примерах, может добавлять к обращению различные оттенки. Оно может выражать доброе расположение говорящего к адресату:

Die gefielen dem Herren so wolund sprach zu ihm: “Lieber Meister, waz wöllen Ihr nemen und wöllen unß unsern Sal malen, von dem Herkommen der Landgraffen von Hessen und wie die befründet haben mit dem Künigvon Ungerem und andern Fürsten und Herren, und wie lang daz gestanden hat” [Dil 78,12–17].

С помощью этого определения говорящий создает уважительную, дружескую атмосферу, ориентированную на коммуникативный успех. Так, в вопросительной реплике оно выполняет этикетную функцию и направлено на получение ответа на заданный вопрос: *Also sprach Ulenspiegel: “Wilt du, so wil ich ihn fragen.” Der Knecht sprach ja. Da sprach Ulenspiegel: “Lieber Meister, wie gat es zu, daz Ihr uns als frü wecken, es ist erst Mitternacht.”* Ответ мастера: *Der Meister sprach: „Es ist mein Weiß, daz zum ersten mein Knecht acht Tage nit länger sollen ligen, dann eine halbe Nacht.“ [Dil 118,12–18].*

В устах Тиля атрибут *lieber* чаще всего несет в себе иронию, которая особенно ярко представлена в тех случаях, когда обращение *lieber Meister* следует в ответ на пейоративную реплику, например:

“Wilt du Verräter dis nit lassen? Ich wil dir mit disem Grundel für den Kopf schlagen.“ Ulenspiegel sprach: „Lieber Meister, entzürnet Euch nit, ich wißt gerne, waz daz für Speck wer, damit Ihr mein Stiflen gespicket haben...“ [Dil 133,1].

В схожем значении в этот период в городской среде употребляется и вежливо-уважительное обращение с первым компонентом

maister: maister schneider [Dil 155,18]. Обращение слуги к хозяину обычно тоже выражается словом *maister* [Dil 70,18; 126,49; 171,8; 193,75]. Оно может распространяться притяжательным местоимением и именем собственным: *mein maister Hans* [Dil 70,70].

Номинацией по роду деятельности служат обращения *Kouffman* и его вариации *Kaufher* [Dil 10,3], *Kouffman* [Dil 108,5], *Ihr Kouflüt* [Dil 226,29], а также представители других профессий: *Erberen Männer des Hanwercks der Schneider* [Dil 147,1], *Weinzäpfer* [Dil 16,16], *Magt* и его вариации *Mägtelin* [Dil 125,25]; *liebe Magt* [Dil 111,16], *Buer* [Dil 245,8]. Ср. Также у Сакса: *mueller, schneider, wirt, koch, hecker, münich, herr hoffmaister, herr marschalck, herr kamermaister*.

Эмоциональная составляющая прослеживается в обращениях с притяжательным местоимением первого лица единственного числа: *mein müller* [Sachs 168,45], *o müller mein* [Sachs 168,79], *mein appodeker* [Sachs 183,61]. Последний случай интересен еще и с точки зрения ситуации обращения: врач учит крестьянина, как тот должен разговаривать с аптекарем, т. е. фактически обращение *mein appodeker* произносит врач, но подразумевается, что это должен сказать крестьянин. Таким образом, врач на какое-то время перенимает речевые стратегии своего собеседника. Очевидно, подобная ситуация наблюдается и в обращениях *mein müller, o müller mein* — их произносит человек, притворяющийся Богом, видимо, тоже пытаясь (насколько это возможно) подражать другому лицу.

Обращения, состоящим из одной словоформы — наименования рода занятий, не свойственен оттенок учтивости. Предложения, в состав которых включены такого рода обращения, носят побудительный характер, например: *Wirt, pald hinter den ofen ge!* [Sachs 160,136]. В данную группу входят обращения *wirt* [Sachs 160,136], *schneider* [Sachs 155,41], *müller* [Sachs 168,65], *koch* [Sachs 186,77], *hecker* [Sachs 189,40], *münich* [Sachs 139,43], а также обращение сразу к нескольким лицам: *rat und diener* [Sachs 150,15]. Сюда же относится обращение *pawer*, в трех случаях из четырех выраженное сочетанием *mein pawer* [Sachs 183,26; 183,32; 196,44]. В четвертом случае представлена словообразовательная модель с пейоративным суффиксом *-lein*: *mein beüerlein* [Sachs 26,14].

Значительную часть примеров обращения по роду деятельности (38 примеров из 81) составляют обращения к священнослужителям, и с квантитативной точки зрения они должны занимать центральное место в данном параграфе. Однако при рассмотрении от-

дельных словоформ, составляющих такие обращения, выясняется, что лишь ограниченное количество (7) можно считать специализированной номинацией по роду деятельности: *Allernädigster Vatter*. *Du Knecht aller Knecht* [Dil 103,20]; *Allerheiligster Vatter* [Dil 103,24]; *Lieber Her Pfarrer* [Dil 195,10]; *lieber Pfarrer* [Dil 195,29]; *Mein lieber Herr Pfarer* [Dil 207,29]; *Her Pfarrer* [Dil 208,9]; *Pfaff* [Dil 208,35].

У Сакса и в «Тиле...» в группе обращений по роду деятельности частотно также существительное *Wirt* (реже *Wirtin*): так обращаются к хозяину или хозяйке гостиницы или трактира. Обращения с ядерной частью *Wirtin* также обладает направленностью снизу вверх, что подтверждается сопровождающими его местоимениями во втором лице множественного числа и глаголами в форме множественного числа: *Ulenspiegel sprach: "Liebe Wirtin, ob ich die Schickung funde, das ich Euch für den Babst brächt, das Ihr mit ihm zu Red kämen, wolten Ihr mir die hundert Ducaten geben?"* [Dil 102,12–15].

Примерами доминирующих социально ориентированных индексальных обращений в анализируемом материале служат обращения *Knecht* в «Тиле...» и *Geselle* в шванках Сакса.

Социальная составляющая обращения с ядерной частью *Knecht* и *Geselle* достаточно единообразна. *Geselle* (с различными фонетическими вариациями), всего 30 примеров, в зависимости от социального контекста — это стандартное обращение к незнакомцу, приятелю и даже возлюбленному, воспринимаемому равным по социальному положению, или вышестоящего к нижестоящему. Историческая лексикография описывает *Geselle*, во-первых, как товарища, друга, возлюбленного, молодого парня, человека того же сословия, что и говорящий; а во-вторых, как подмастерья ремесленника. Подчеркивается, что в истории немецкого языка слово *Geselle* имело более широкое значение, чем в настоящее время [Duden, 2007].

Справедливость этого мнения можно наблюдать и на примере обращений в шванках Сакса. Так, лишь примерно в 10% случаев обращение *gesel* используется в общении мастера и подмастерья [Sachs 70,36; 70,56; 70,76; 70,134], остальные случаи употребления этого существительного базируются на более широком значении. В трех примерах с притяжательным местоимением *mein*: *mein gesell*, *mein gsel*, *mein lieber gesell* речь идет об обращении к незнакомому адресату [Sachs 7,246; 54,88; 177,108], а в одном — к трактирщику [Sachs 160,71].

Притяжательное местоимение может быть использовано и в постпозиции: *o gsele mein* [Sachs 181,53], *o lieber geselle mein* [Sachs 153,84], *o drawt geselle mein* [Sachs 70,36]. Прилагательные в качестве определения к *geselle* всегда используются в препозиции, причем *lieber* всегда согласуется существительным: *o lieber gsell* [Sachs 7,23], *o lieber gsel* [Sachs 181,36], *lieber gsel* [Sachs 70,134], *mein lieber gsel* [Sachs 177,108], *jr lieben gselln* [Sachs 26,1], *jr lieben gselln* [Sachs 10,101], *jhr lieben gesellen* [Sachs 5,155], тогда как прилагательное *gut* используется только в краткой форме: *giuet gsel* [Sachs 142,45], *gut gsell* [Sachs 40,128], *gut gsel* [Sachs 146,25], *guet gsel* [Sachs 146,148]. Интересный атрибут, встретившийся дважды, правда только в одном шванке, — *wahrhaft: dw warhafter gsel* [Sachs 65,23; 65,425].

Для обращений с *Knecht* показательным является практически повсеместное употребление атрибутов *lieber* и *mein lieber*, что наводит на размышления о характере таких атрибутов. Если в выше рассмотренных примерах использование *lieber* объяснялось либо доверительными отношениями между участниками коммуникации, либо коммуникативной задачей говорящего, то в случае обращения с *Knecht* такая закономерность не прослеживается, а атрибуты носят скорее устойчивый характер. О формульном характере соединения существительного *Knecht* и прилагательного *lieber* свидетельствуют подсчеты: определение используется в 10 из 15 примеров с ядерной частью *Knecht*. При обращении хозяина к слуге словоформа *knecht* самостоятельно не употребляется, а лишь в сочетании с притяжательным местоимением, или прилагательным, или именем собственным: *mein knecht* [Sachs 138,10], *mein lieber knecht* [Sachs 181,75; 193,81], *knecht Hainz* [Sachs 196,19].

4.4. Оценочные, ситуативные негативно-оскорбительные обращения

Количество оценочных обращений чрезвычайно велико в обоих источниках, что напрямую связано со спецификой произведений, о которой говорилось выше. Доминируют негативные оценочные обращения.

В «Тиле...» в состав большей части пейоративных обращений входит компонент *Schalck*, лексическое значение которого претерпело на протяжении веков значительные изменения: изначально существительное *Schalk* (mhd. schalc, ahd. scalc) означало 'Knecht,

Sklave, unfreier Dienstmann' (слуга, раб, подневольный человек) и лишь в средневерхненемецкий период у этого существительного развилось значение 'Mensch von knechtischer Sinnesart, Bösewicht' (человек с холопским образом мыслей, злодей) [Lexer 1995]. Современное понимание существительного *Schalk* существенно смягчилось по сравнению с предыдущими периодами истории развития немецкого языка и означает лишь 'listiger Spaßvogel' (лукавый весельчак, проказник), но в ранненововерхненемецком негативные коннотации данного существительного были еще очень сильны [Duden 2007: 705]. Основная часть таких обращений так или иначе связана с главным героем: *Du feiger Schalck* [Dil 32,9], *du Schalck* [Dil 11,32], *du verzweifelter Schalck* [Dil 118,32], *Du Schalcksnar* [Dil 177,5], *Du verlaßner Schalck* [Dil 184,20], *du Schalck* [Dil 184,25] и т. п.

Перечисленные обращения транслируют отрицательные эмоции говорящего и его негативное отношение к адресату, вызванные поведением последнего. В этом проявляется определенная ритуализованность сюжета и поведения персонажей [Аветисова 2002]. Так, завязкой многих историй, в которых употребляются пейоративные обращения, служит разговор с Тилем Уленшпигелем, в котором его собеседник произносит фразу, которую можно толковать двояко — в прямом и переносном значении. Например, в истории 39 кузнец, подмастерьем которого стал Тиль, имел присказку *Haho, folge mit den Bälgen* и подразумевал тем самым, что подмастерье должен активнее работать мехами. Далее ситуация разворачивается следующим образом:

Da sprach der Schmid zu Ulenspiegel mit harten Worten: "Haho, folge mit den Bälgen nach!"; unnd er gieng mit den Worten uß in den Hoff... Also nam Ulenspiegel den einen Balck uff den Halsß und folgt dem Meister nach... [Dil 117,5–118,1].

Тиль выбирает буквальное значение произнесенного слова или фразы и действует в соответствии с ним, утверждая позже, что ошибка, допущенная им, — целиком и полностью вина его собеседника, поскольку он, Тиль, сделал все, о чем его просили:

Ulenspiegel sprach: "Lieber Meister, ich hab gthon, als Ihr mich hießen. Ist es verderbt, daz ist Ewer Schult." Er [der Meister] ward zornig und sprach: "Du Schalksnar, darumb heb dich uß meiner Werkckstat, ich hab deiner Arbeit keinen Nutz." Alo schied Ulenspiegel von dannen und verdienet nit grossen Danck, wiewol er alles daz thet, daz man ihn hieß. [Dil 177, 3–9].

Главное назначение таких обращений — эмоциональная оценка поведения или поступка адресата. Это не установление или поддержание контакта, а дискредитация партнера по коммуникации и его оскорбление.

Если все вышеупомянутые обращения с компонентом *Schalk* обращены к Тилю Уленшпигелю, то в случае с *ihr verzagten Bößwicht* Тиль является адресантом. Меняется и значение обращения: вместо эмоционально-оценочной семантики на первый план выходит иллокутивное значение: заставить адресата совершить необдуманый поступок. Оскорбительная фраза *Hoho, wa bleiben ihr nun, ihr verzagten Bößwicht* [Dil 96,19] вынуждает стражников не раздумывая броситься за Уленшпигелем, вследствие чего все они падают в реку (история 32).

Доминирующее у Тили негативное обращение *schalck* встретилось у Сакса всего три раза: *dw schalck* [Sachs 32,24; 51,50; 54,54]. Из негативно-оценочных обращений у Сакса самым нейтральным можно считать существительное *narr u unflat*: *dw narr* [Sachs 109,51; 118,42; 179,113; 196,75], *narr* [Sachs 7,188], *du alter Narr* [Sachs 35,112], *du unflat* [Sachs 8,9; 17,153], *o du vernaschter unflat* [Sachs 17,12].

Большой популярностью у Сакса пользуется обращение с компонентом *sack*: *du sack* [Sachs 8,126], иногда сопровождаемое выразительными атрибутами: *du vernachter, fauler sack* [Sachs 32,19]. *Sack* может входить в композит *schlepsack* и употребляться с атрибутами: *du fauler schlepsack* [Sachs 17,51], *du arger schlepsack* [Sachs 17,134].

Кроме указанных выше, как отрицательно-оценочные обращения-ругательства функционируют следующие существительные: *balck* (*Balg*), *bößwicht* (*Böswicht*), *Dölp* (*Tölpel*), *wein zecher* (*Weinzecher*), *Ehebrecher* (*Ehebrecher*, *Rechtsbrecher*) *Fantast* (*Phantast*, *Träumer*), *Füller* (*Stinkender*), *greynere* (*Greiner*), *hüren jeger* (*Hurenjäger*) *huren palck* (*Hurenbalg*), *Hurer* (*unzüchtiger Mensch*, *Ehebrecher*), *laiür* (*Lauer*), *Lotter* (*Lotter*) *Mörder* (*Mörder*), *narr* (*Narr*), *Oß* (*Ochse*), *Raßler* (*Verrückter*), *Rauber* (*Räuber*), *sack* (*Sack*), *schalck* (*Schalk*), *schelm* (*Schelm*), *schlemmer* (*Schlemmer*), *schlepsack* (*Schleppsack*), *spiler* (*Spieler*), *spillgür* (*Spielklepper*), *tropff* (*Tropf*), *Trunckenboltz* (*Trunkenbold*), *ubelthäter* (*Übeltäter*), *verräter* (*Verräter*), *unflat* (*Unflat*), *unflats halß* (*Unflats Hals*) и др.

Как следует из примеров, усиление негативной оценки у обращений-ругательств может происходить с помощью атрибутов: *arg*, *diebisch*, *faul*, *frech*, *gefressig*, *grob*, *poser*, *ungetrew*, *unverschemt*, *ver-*

nascht (см. примеры выше). Слова с нейтральной оценочностью негативную сему приобретают уже в сочетании с соответствующим существительным: *unendlicher balck* [Sachs 32,24], *du gelber* [Sachs 8,75], *o jr grossen Phantasten* [Sachs 17,12], *du alter Narr* [Sachs 35,112].

Характерной чертой обращений-ругательств у Сакса являются длинные перечислительные ряды негативных обращений, включающие в себя до 13 компонентов, например:

Du schlemmer, Füller und du praßler, / Du spiler, Lotter und du Raßler, / Du Narr, du Schelm, du grober tropff! [Sachs 32, 29].

Sie floch darfon und schray: "Dw schalck, / Dw hüren jeger und eprecher! / Dw spillgür und drunckner wein zecher!" [Sachs 54,54].

Anfieng sie zu schreyen und rüllen: / "Hör auff, du diebischer verräter, / Du Mörder, bößwicht, ubelthäter, / Du Rauber, Hurer und Ehebrecher, / Du Trunckenboltz, du bub, du frecher, / Du knoll, du troll, du Frawen feind!" [Sachs 32,36].

Как видно из примеров, показательно во многих случаях употребление личного местоимения *du* (реже — во множественном числе — *ir*) в обращениях-ругательствах. Однако нельзя утверждать, что употребление личного местоимения в обращении связано с негативным отношением говорящего к адресату, поскольку в исследуемом материале присутствуют и прямо противоположные случаи, например: *du schöne fraw* [Sachs 17,178]. По-видимому, местоимения *du* и *ir* служат для подчеркивания направленности высказывания и его усиления, что особенно важно для говорящего при передаче отрицательного или особо доверительного отношения к адресату, и выполняют, таким образом, функцию дополнительной адресации.

5. Заключение

Как показал анализ, формы и способы реализации обращений являются значимым источником информации об участии коммуникантов, разных по возрасту и социальной принадлежности, в коммуникативных практиках, а также о восприятии и понимании мира языковой личностью в определенный исторический период и в конкретной речевой ситуации. Другими словами, обращения как прагматически ориентированные единицы общения интерпретируют отношение адресанта к его партнеру по коммуникации и отражают многочисленные нюансы их речевого поведения.

Обращения отдаленной эпохи демонстрирую большую палитру как социально-производственных, индексально маркированных, так и фамильярно-дружеских отношений и показывают, что корректно выбранное обращение — залог успешной коммуникации, и наоборот, неверное обращение снижает эффективность общения. При этом нужно учитывать и особенности интерпретации любого словесного знака, о чем в 1869 г. писал Ф. Тютчев: «Нам не дано предугадать / Как слово наше отзовется, — / и нам сочувствие дается, / Как нам дается благодать...».

Источники и словари

Duden. Das Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. Band 7. Berlin; Mannheim; Zürich: Dudenverlag, 2007. 960 S.

Simpl. — *Grimmelshausen H. J. Ch. von*. Der Abenteuerliche Simplicissimus. München: Artemis & Winkler, 2000. 681 S.

Lexen M. Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch. Leipzig: S. Hirzel Verlag, 1999. 506 S.

Sachs — *Sämtliche Fabeln und Schwänke von Hans Sachs*. 1. Band. Halle (Saale): VEB Max Niemeyer Verlag, 1953. 592 S.

Dil — *Ein kurzweiliges Lesen von Dil Ulenspiegel*. Philipp Reclam: Stuttgart, 2001. 304 S.

Литература

Аветисова Л. Н. Речевой ритуал в народной книге о Тиле Уленшпигеле (1515): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. 16 с.

Адмони В. Г. Исторический синтаксис немецкого языка. М.: Высшая школа, 1963. 336 с.

Алешкина Е. Ю. Лексическая характеристика обращений в древневерхненемецком и средневерхненемецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1994. 16 с.

Бабенко Н. С. Особенности взаимодействия устного и письменного языка в Германии 16 в. // Устные формы литературного языка: История и современность. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 87–105.

Баева Г. А. Культура речи: стратегии речевого регулирования и маневрирования в истории немецкого языка // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете*. 2023. Вып. 13. С. 241–258.

Гольдин В. Е. Обращения: теоретические проблемы. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. 129 с.

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. В 11 т. Т. 7. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 995 с.

Минина О. Г. Обращение в современном английском языке (очерки прагматики и межкультурной коммуникации): монография. Сыктывкар: Сыктывкарский гос. ун-т, 2011. 69 с.

Молодыхченко Е. Н., Чернявская В. Е. Социальная репрезентация через язык: теория и практика социолингвистики и дискурсивного анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022, 19 (1). С. 103–124.

Нестеренко Е. Ю. Статусные обращения в когнитивно-дискурсивном и идеографическом аспектах (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2021. 22 с.

Реутин М. Ю. Народная культура Германии: позднее средневековье и Возрождение. М.: РГГУ, 1996. 215 с.

Baeva G. Auf den Spuren der Mündlichkeit im Mittelhochdeutschen // Kommunikative Praktiken in sozialen Kontexten. Sprachliche Mittel im Einsatz. „Projekt Angewandte Linguistik“ Berlin: LIT-Verlag, 2019. S. 169–185.

Bausinger H. Formen der „Volkspoesie“. Berlin: E. Schmidt, 1980. 312 S.

Besch W. Duzen, Siezen, Titulieren. Zur Anrede im Deutschen heute und gestern. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1998. 160 S.

Besch W. Anredeformen des Deutschen im geschichtlichen Wandel // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung, Band 3 / hrsg. von Besch W. u. a. Berlin, New York: de Gruyter, 2003. S. 2599–2628.

Beten A. Direkte Rede und episches Erzählen im Vergleich. Eine syntaktische Reise durch fünf Jahrhunderte (1500–2000) // Bergwerk der Sprache: Eine Geschichte des Deutschen in Episoden / hrsg. von G. Leupold, E. Passet. Göttingen: Wallstein Verlag, 2012. S. 9–38.

Braun F. Terms of Address: Problems of Pattern and Usage in Various Languages and Cultures. Berlin: De Gruyter, 1988. 388 p. (Contributions to the Sociology of Language. Vol. 50.)

Kilian J. Historische Dialogforschung: eine Einführung. Tübingen: M. Niemeyer. 2005. 176 S. (Germanistische Arbeitshefte 41.)

Jolles A. Einfache Formen. Legende, Sage, Mythe, Rätsel, Spruch, Kasus, Memorabile, Märchen, Witz Simple Forms. Legend, Saga, Myth, Puzzle, Saying, Sophism, Memorabilis, Fairy Tale, Joke. Berlin: de Gruyter, 2006. 289 S.

Kretzenbacher H. L., Schüpbach D. Communities of addressing practice? Address in Internet forums based in Germanspeaking countries // Address Practice as Social Action: European Perspectives. / ed. by C. Norrby, C. Wide. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. P. 33–53.

Leslie D. Dictionary of Epithets and Terms of Address. London; New York: Taylor and Francis Routledge, 1990. 276 p.

Моyna M. I., Kluge B., Simon H. J. Address and address research: Here's looking at you, kid // It's not All about You: New Perspectives on Address Research / hrsg.

von B. Kluge, M. I. Moyna. Amsterdam: John Benjamins (= Topics in Address Research 1), 2019. P. 1–20.

Neumann S. Volksprosa mit komischem Inhalt // *Fabula*. Zeitschrift für Erzählforschung. 9. Band. Berlin: de Gruyter, 1967. S. 137–148.

Neumann S. Schwank und Witz als Medien sozialer Aussage // *Volksleben und Volkskultur in Vergangenheit und Gegenwart: Befunde und Probleme im internationalen Bereich*. Bern; Frankfurt a. M., Wien: Lang, 1993. S. 49–65.

Nübling D., Dammel A., Duke J., Szczepaniak R. Historische Sprachwissenschaft des Deutschen. Eine Einführung in die Prinzipien des Sprachwandels. 4. Aufl. Tübingen: Narr Verlag, 2013. 355 S.

Ranke K. Einfache Formen // *Internationaler Kongreß der Volkserzählforschung in Kiel und Kopenhagen (1959)*. Vorträge und Referate. Berlin: de Gruyter, 1961. S. 1–11.

Riehl C.M., Kretzenbacher H.L., Hajek J., Blanco López J. Anredestrategien im Erwerb des Deutschen als Fremdsprache // *Deutsch als Fremdsprache*. 2020. Nr. 57 (3). S. 155–167.

Simon H.J. Für eine grammatische Kategorie „Respekt“ im Deutschen. Synchronie, Diachronie und Typologie der deutschen Anredepronomina. Max Niemeyer Verlag, 2003. 246 S.

Strassner E. Schwank. Stuttgart: Metzler, 1968. 108 S.

Szczepaniak R. Grammatikalisierung im Deutschen. Eine Einführung. Tübingen: Gunter Narr Verlag Tübingen. 2009. 211 S.

Wunderlich D. Methodological Remarks on Speech Act Theory // *Speech Acts Theory and Pragmatics* / ed. by J.R. Searle, F. Kiefer, M. Bierwisch. Dordrecht et al.: D. Reidel Publ., 1980. P. 291–312.

References

Admoni V.G. *Historical syntax of the German language*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1963. 336 p. (In Russian)

Aleshkina E. Yu. *Lexical characteristics of addresses in Old High German and Middle High German*: PhD thesis abstract. St. Petersburg, 1994. 16 p. (In Russian)

Avetisova L. N. *Speech ritual in the folk book about Til Eulenspiegel (1515)*. PhD thesis abstract. St. Petersburg, 2002. 16 p. (In Russian)

Babenko N. S. Features of the interaction of oral and written language in Germany in the 16th century. *Ustnye formy literaturnogo iazyka: Istoriia i sovremennost'*. Moscow, Editorial URSS Publ., 1999, pp. 87–105. (In Russian)

Baeva G. A. Culture of speech: strategies of speech regulation and maneuvering in the history of the German language. *German Philology in St. Petersburg State University*, 2023, iss. 13, pp. 241–258. (In Russian)

Baeva G. Auf den Spuren der Mündlichkeit im Mittelhochdeutschen. *Kommunikative Praktiken in sozialen Kontexten. Sprachliche Mittel im Einsatz*. “Projekt Angewandte Linguistik” Berlin, LIT-Verlag, 2019. S. 169–185.

- Bausinger H. *Formen der „Volkspoesie“*. Berlin, E. Schmidt, 1980. 312 S.
- Besch W. *Duzen, Siezen, Titulieren. Zur Anrede im Deutschen heute und gestern*. Göttingen, Vandenhoeck und Ruprecht, 1998. 160 S.
- Besch W. Anredeformen des Deutschen im geschichtlichen Wandel. *Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung*. Hrsg. von Besch W. u. a. Band 3. Berlin, New York: de Gruyter, 2003. S. 2599–2628.
- Beten A. Direkte Rede und episches Erzählen im Vergleich. Eine syntaktische Reise durch fünf Jahrhunderte (1500–2000). *Im Bergwerk der Sprache: Eine Geschichte des Deutschen in Episoden*. Hrsg. von G. Leupold, E. Passet. Göttingen, Wallstein Verlag, 2012. S. 9–38.
- Braun F. *Terms of Address: Problems of Pattern and Usage in various Languages and Cultures*. Berlin, De Gruyter, 1988. 388 p. (Contributions to the Sociology of Language. Vol. 50.)
- Goldin V.E. *Appeal: Theoretical problems*. Saratov, Izd-vo Saratov. un-ta Publ., 1987. 129 p. (In Russian)
- Jolles A. *Einfache Formen. Legende, Sage, Mythe, Rätsel, Spruch, Kasus, Memorabile, Märchen, Witz Simple Forms. Legend, Saga, Myth, Puzzle, Saying, Sophism, Memorabilis, Fairy Tale, Joke*. Berlin, de Gruyter, 2006. 289 S.
- Kilian J. *Historische Dialogforschung: eine Einführung*. Tübingen: M. Niemeyer. 2005. 176 S. (Germanistische Arbeitshefte 41.)
- Kretzenbacher H.L., Schüpbach D. Communities of addressing practice? Address in Internet forums based in Germanspeaking countries. *Address Practice as Social Action: European Perspectives*. Ed. by C. Norrby, C. Wide. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2015. P. 33–53.
- Leslie D. *Dictionary of Epithets and Terms of Address*. London; New York, Taylor and Francis Routledge, 1990. 276 p.
- Lomonosov M. V. *Complete works*. In 11 vols. Vol. 7. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1952. 995 p. (In Russian)
- Minina O. G. *Appeal in modern English (essays on pragmatics and intercultural communication): A monograph*. Syktyvkar, Syktyvkarskii gos. un-t Publ., 2011. 69 p.
- Molodychenko E.N., Chernyavskaya V.E. Social representation through language: theory and practice of sociolinguistics and discourse analysis. *Vestnik of St. Petersburg University. Language and literature*. 2022, 19 (1), pp. 103–124. (In Russian)
- Moyna M. I., Kluge B., Simon H. J. Address and address research: Here's looking at you, kid. *It's not All about You: New Perspectives on Address Research*. Hrsg. von B. Kluge, M. I. Moyna. Amsterdam, John Benjamins (= Topics in Address Research 1), 2019, pp. 1–20.
- Nesterenko E. Yu. *Status appeals in cognitive-discursive and ideographic aspects (based on the material of English and Russian languages)*. PhD thesis abstract. Ekaterinburg, 2021. 22 p. (In Russian)

Neumann S. Volksprosa mit komischem Inhalt. *Fabula. Zeitschrift für Erzähl-forschung*. 9. Band. Berlin, de Gruyter. 1967. S. 137–148.

Neumann S. Schwank und Witz als Medien sozialer Aussage. *Volksleben und Volkskultur in Vergangenheit und Gegenwart: Befunde und Probleme im internationalen Bereich*. Bern; Frankfurt a. M.; Wien, Lang, 1993. S. 49–65.

Nübling D., Dammel A., Duke J., Szczepaniak R. *Historische Sprachwissenschaft des Deutschen. Eine Einführung in die Prinzipien des Sprachwandels*. 4. Aufl. Tübingen, Narr Verlag, 2013. 355 S.

Ranke K. Einfache Formen. *Internationaler Kongreß der Volkserzählungsforscher in Kiel und Kopenhagen (1959). Vorträge und Referate*. Berlin, de Gruyter, 1961. S. 1–11.

Reutin M. Yu. *German folk culture: Late Middle Ages and Renaissance*. Moscow, RGGU Publ., 1996. 215 p. (In Russian)

Riehl C.M., Kretzenbacher H.L., Hajek J., Blanco López J. *Anredestrategien im Erwerb des Deutschen als Fremdsprache*. *Deutsch als Fremdsprache*, 2020, Nr 57 (3), S. 155–167.

Simon H. J. *Für eine grammatische Kategorie „Respekt“ im Deutschen. Synchronie, Diachronie und Typologie der deutschen Anredepronomina*. Max Niemeyer Verlag, 2003. 246 S.

Strassner E. *Schwank*. Stuttgart, Metzler, 1968. 108 S.

Szczepaniak R. *Grammatikalisierung im Deutschen. Eine Einführung*. Tübingen, Gunter Narr Verlag, 2009. 211 S.

Wunderlich D. Methodological Remarks on Speech Act Theory. *Speech Acts Theory and Pragmatics*. Ed. by J. R. Searle, F. Kiefer, M. Bierwisch. Dordrecht et al., D. Reidel Publ., 1980, pp. 291–312.

Баева Галина Андреевна

профессор кафедры немецкой филологии СПбГУ, доктор филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Galina A. Baeva

Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,
Doctor of Philological Sciences
Address: 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5058-7175>

E-mail: g.baeva@spbu.ru

Статья поступила в редакцию 7 марта 2024 г.
Принята к публикации 26 апреля 2024 г.